

Оглавление

Глава 1. Крашеные рыжие волосы	3
Глава 2. Прованс	34
Глава 3. Мумия	56
Глава 4. Сторож брату своему	80
Глава 5. Грязная скорлупка	105
Глава 6. Проблемы с головой	135
Глава 7. Солдат и черт	165
Глава 8. Родная кровь	192
Глава 9. Пуля-дура	220
Глава 10. Свистнувшая фляга	242
Глава 11. Письмечко в конверте	264
Глава 12. Я не подарок	287
Глава 13. С днем рожденья, Антон	313
Глава 14. Пока-пока	338
Глава 15. Болото	359
Глава 16. Свинья и волк	375
Глава 17. Порядок бьет класс	394
Глава 18. От осинки не родятся апельсинки	407

Глава 1. Крашеные рыжие волосы

Срач она под конец жизни, конечно, развела знатный. Бутылки повсюду, огрызки, осколки, обрывки — умереть не встать. Ну, она и не встала.

И странно было сидеть на кухне, и глядеть в окно, и видеть пейзаж моего детства, поросший обширным и плодородным Митинским кладбищем. А в детстве моем то ли не возникло оно еще, то ли не разрослось так — не помню. Ну чисто как в том анекдоте: раньше я жил напротив кладбища, а теперь живу напротив своего дома.

И я думал: славно оно вышло — далеко ее везти не надо будет, и друзей да родственников у нее не осталось — чисто сами, по-семейному сходим.

Луна в окно светила полная, жирненькая, и снег шел, крупными такими хлопьями, в этот-то момент я и понял, как соскучился по зиме, по белизне этой, по тому, какой она приносила покой.

Гроб стоял на кухонном столе. Оно, конечно, не очень хорошо, но квартирку-то мы собирались продавать сразу, как по сроку можно станет, и деньги делить, так что, в общем и целом — ничего такого страшного.

Стемнело, а свет никто не включал, сидели, значит, в темноте — три стула вокруг разложенного стола, пепельница на подоконнике, полная окурков, и холод собачий, и бутылка водки под столом — там она и стояла, когда мы пришли, еще непочатая, и сильно мне хотелось ее раскупорить, да и ситуация располагала.

А гроб был отличный прям, сам себе б такой подарил на день, ну, не рождения — смерти, скажем. В этом смысле Юрка постарался хорошо. Он, причем, хотел сначала, чтоб как в кино американском, чтоб верхняя часть откидывалась, но я сказал: зачем ей этот кабриолет иностранный, давай-ка мы, это, ее по-русски проводим.

Как оно надо.

В общем, в итоге выбрали нормальный, как принято, но блестящий хорошим лаком на хорошем дереве, мощный такой, чтоб мамке не стыдно было. Впрочем, она у нас бесстыжая была — проблема небольшая. И все-таки хотелось красивого.

Красиво она не жила, но начинать никогда не поздно, а?

Ну вот, что я и говорю, сидим, сидим, свет не горит, одна горит только луна, и снег хлопьями с неба сыпется — прям на Митинское кладбище, туда, где ей и лежать теперь веки вечные.

Мне она противна не была — она же сделанная, то есть, не так выглядела, как оно по природе бывает. По природе бывает всяко, а она выглядела сносно.

Будто бы и красивее даже, чем в жизни, вышла. Может, из-за того, что мимики нет никакой. Такое спокойное лицо, широкое, скуластое, но в чем-то и нежное даже. Без прижизненных ее вот этих гримас то ли боли, то ли злости. Бледная с желтоватым — как та луна. Но волосы красные, девка моя давних лет, парикмахер, называла это «бытовой рыжий», такой неаккуратный, яркий, красновато-оранжевый цвет.

Таковой и помню новопреставленную — искусственно-рыжая, с вытравленными до полной неликвидности волосами проволочного качества. Да они на ощупь были как шерсть мертвый кошки еще за двадцать лет до ее кончины.

И я никак не мог выкинуть из головы вот какой вопрос: какой у нее настоящий цвет волос?

Я этого не знал.

И узнать я этого больше не мог. Карточек не осталось никаких.

По нам тоже не скажешь — мы же все на отцов похожи, ни кровиночки от нее.

И это не давало мне покоя, как заевшая в голове песня, как забытое слово. Ну не мог я смириться с утратой — истины о том, какого цвета были у нее волосы.

Пахла она не мертвечиной — запах потравили хорошо, не свежатинкой, не тухлятинкой, а резкой химией да чем-то косметическим, как без меры накрашенные девицы на дискотеках.

Сели мы за стол, как-то невольно заняв места своего детства. Юрка, как всегда, у двери, я — у окна, в которое теперь можно было мечтательно глядеть на финал всех дел человеческих, а Антон — спиной упираясь в старую газовую плиту. Это было странно. Взрослые мужики, старшему, вон, тридцатник, а все там же. Ох, жизнь есть жизнь, она же — колесо. Верти его, сколько хочешь, но пока находишься внутри — всегда придешь на то же место, откуда начал, как только лишь чуть расслабишься.

Юрка сидел явно вмазанный — это по нему было хорошо видно. Зрачки крошечные, как иголкой проковыряли, и характерная расслабленность мышц лица, я ее хорошо распознавать умел. Так что Юркины секреты мне были не тайнами, и я наслаждался всезнанием своим, но и затосковал — от того, в какую он беду влез.

Антону хмурый без надобности — он и без него залипал на обои периодами. Лицо Антона, как в детстве, так и сейчас, редко что-нибудь выражало. Ну вот: одна мертвая мамка, и два полуохлых брата, ну и я, живчик. Живее всех живых, в одном ряду с Цоем и Лениным — навсегда.

Так сидим мы, а я думаю о волосах, которые как шерстка мертвой кошки, только красно-рыжие, каких в живой природе ни у кого знакомого не бывает.

Не могу отвлечься.

Луна еще эта, ну, и ее лунное лицо, желтовато-белое и с тремя оспинами-кратерами. Мне как-то не вспоминалось ни плохое о ней, ни хорошее. Плохого накопилось

много, очень много. Хорошего — ну, можно было покопаться в закромах своей памяти и выудить оттуда помятую конфетку, завернутую в грязный фантик. Помню, как она их доставала — до странности длиннопалой рукой из грязного мужского пальто, которое досталось ей от первого мужа — Антонового отца.

Так да, ни плохое, ни хорошее — только крашеные рыжие волосы. Захотелось отрезать прядь, растворить чем-то краску, узреть свет истины, что ослепит меня, но я быстро понял — это уже ебанатство. Останови мысль, а то приведешь куда-то совсем не туда.

Вот папаша мой — он уже доехал.

А Антонов папаша не доехал, но не суть — дойдем еще до этого. Не хочу, чтоб оно очень запутано получилось, хотя получится, конечно — таковы они, семейные дела — ничего запутаннее них в мире нет.

В общем, мои мысли — мои скакуны, и чтоб остановить их на скаку — нужна была мне баба. Кстати, я ее скоро нашел. Очень неожиданным образом.

Короче, захотелось мне разогнать молчание, ну я и говорю:

— Ушла Катька в страну вечной охоты.

Они все молчат. Юрка не здесь, Антон только взгляд на меня перевел. Не скажу, что по глазам увидел, как он недоволен — по его глазам ничего не видно.

Ну, думаю, вы прекрасная публика.

— Что можно о новопреставленной сказать, кто слово возьмет?

Молчат. И подумал я: а вы меня так-то слушаете? Или, может, не слушаете вы меня?

Брат должен брата слушать, тем более в такие вечера, а то неловко получается. Ну я и говорю:

— Тогда я скажу. Любила мамка по хуям скакать, и мы с вами — прямое тому подтверждение.

Тут-то Юрка и заговорил, чего я и ждать — не ждал. Он то ли стишок процитировал, то ли песню, врать не буду, потому как все еще не знаю.

— Когда б мы жили без затей,
Я нарожала бы детей
От всех, кого любила, —
Всех видов и мастей.

Да только никого она не любила. Ну да и не в любви суть, не любовь вращает мир, а кровь. Родная кровь, пролитая кровь, кровь в жилах, и всякая прочая кровь.

Теперь разгоним слегка туман над историей этой. Собственно, в восемнадцать годков по очевидному к тому времени залету вышла мать моя за Костю Волошина, и тем нарушила заповедь, чтимую в тех кругах, откуда мать вылезла, — заповедь не ложиться под мента. От столь противоестественного союза явилась на свет не игрушка, не зверушка, а брат мой, Антон, старшенький. Этот Костя Волошин, он был качественней всех, да только разился в Антоновы четырнадцать на одном из срединных километров Чуйского тракта — по пути к родственникам в Бийск. А дорога эта — такая красивая, одна из самых красивых дорог в нашей стране — сам я не видел, но весьма впечатлен отзывами видевших.

Тело в Москву так и не отправили — захоронить решили с местной родней по непонятной мне причине. Знаю, что Антон, взрослый уже, туда ездил — отцовскому праху поклониться. Но это все многое после произошло, мы перескочили. А в год рождения Антона мамка наша осознала свою ошибку и сбежала от Кости Волошина к Пашке Суханову, перспективному на тот момент боксеру. От него прижилась сына Виктора, но я предпочитаю называть его Витьком, и это, если что, и есть я — средний маргинальный ребенок, согласно теории психолога с сочинской фамилией Адлер. Пикантная подробность заключается в том, что Костю Волошина и Пашку Суханова связывали когда-то узы дружбы. Ну, то дело былое. Один в могиле, другой в дурке. Тем временем — третий. Не успела мать насладиться моим обществом сполна — прыгнула в постель к некоему Валентину Фомину. Фомина не знаю, откуда она вытащила, тонкая душа был,

нервный, стихи писал — зарубил ее хахаля топором потом. Но сначала заделал ей Юрку, нашего младшего. Я думаю, нами бы материнское желание привести в эту жизнь побольше душ человеческих не ограничилось, да только Юрка ушел красиво — после него матери по загадочной женской части все вырезали. Ну, и она загуляла, а Валентин Фомин, для ближайших — Валечка, зарубил двоих ее собутыльников топором. Не знаю, правда ли, да только семейная легенда есть у нас охранительная, как на нее ни погляди.

Вроде как сидела мать на этой самой квартире, и там два мужика с ней. Фомин в припадке ревности ворвался на кухню с топором и зарубил одного. А мамка сидит, курит и вдруг говорит, на спокойствии полном:

— Да не этого.

И тогда Фомин второго зарубил. Каким-то чудом получил двадцать пять, а не вышак, но на том лимит удачи был исчерпан, ни по УДО, ни по амнистии для больных и печальных он не вышел, вот в следующем году его срок подходит — пойдет Юрка его встречать, уже взрослый сын. Так и жизнь прошла, надо думать.

Но такие сюрпризы подкидывает нам иногда эта удивительная жизнь, что еще хуй знает, как оно все обернется.

Словом, как-то мамкиным мужчинам не очень в жизни повезло, как сглазил кто, а?

Ну, а она пила, пила, бывало, сигареты тушила об детей и кошек, а потом, в мои двенадцать годков, ровно двенадцатого февраля, попыталась квартиру ножкой поджечь, вроде бы чисто случайно, но люди-то знают, ну, или говорят, что знают. Тут-то нас по отцам и развели, только Юрку везти было некуда.

Антонов папа скоро крякнул, к сожалению, кстати, и Антона забрали бабушка с дедушкой, добрейшей души люди, я же жизнь коротал с папой и его специфической профессиональной болезнью. Юрка еще какое-то время оставался с мамкой, но потом Антон уговорил дедку с бабкой его забрать. Святые люди были, говорю. Они и меня частенько привечали, кормили, выслушивали.

Я их люблю, за них умру, убью, побреюсь, отдаю последнюю сигарету, первую стопку водки и много чего еще, сейчас и выдумать не могу. Жаль только, что все не в кассу — нет их больше на Земле.

Ну, это если кратко, а краткость — сестра таланта. Ну, как и с талантом, краткость я могу только симулировать — мне дай волю, я такие истории травлю, закачаешься просто.

Собственно, понятия не имею, чем мать хахалей своих брала. Перечисленных и еще других. Красивой мать не назовешь, а мужчины все у нее были красивые. Характер у нее вообще пиздец какой не сахарный. Умная? Ну, пока мозги не пропила, может, и умная была, чего не знаю, того не знаю.

Любила она творить зло, и людям вокруг нее всегда жилось плохо, да иногда настолько, что уже малосовместимо с жизнью.

Ну так что?

Юрка закрыл глаза и надолго замолчал. Будто бы и задремал даже. А я говорю:

— Что еще она любила? Накатить рюмашку с утра и продолжить в том же духе, пока последняя звезда уже следующего дня не рассосется на рассвете. Чертей любила погонять. Любила песню про «Разлучницу-разлуку». Любила кильку в томате намешать с макарошками. Любила, наверное, смотреть на кладбище, покуривая сигаретку.

Тут гляжу, и будто бы между желтой кожицей и ресницами у покойницы поблескивает узкая полоса. Словно она глаза приоткрыла и подслушивает, как я там про нее говорю.

Подумал: что ж вы, мордоделы, ее не доделали — глаза не дозакрыли. Вот вроде бы нормальная была, а с одного ракурса глянул на нее — не закрылась.

Ну, я уж братьев своих разочаровывать не стал.

Тут уж Антон голос подал. Сказал:

— Рот свой закрой. У тебя мать умерла.

Не сказал бы я, что он переживал величайшую трагедию в жизни. Просто не нравилось ему, что я выпендриваюсь много.

Опять молчание. А это, между прочим, тикнуло только восемь часов вечера. Мы с ней должны были до утра время скоротать. Ну, вроде как, провести ночь с покойницей. Прощальную ночь. А крякнуться ей приспично, конечно, к Новому году, чтоб мы вот так вот сидели первого января.

О просьбе побывать с нею сказано в записке ее последней. Померла она, вроде как, не специально, в больнице сказали, что от водки — отек мозга, бывает такое. Говорят, умирала долго. И даже записку оставить успела, какова!

Такой клочок бумаги, и по нему карандашом писано: «Умираю поди. Пускай три моих красивых сына меня схоронят. Тоша, Витенька и Юрочка одна ночь с гробом нужно обязательно быть им там в квартире с пять до пять».

Орфография и пунктуация сохранена авторская.

В конце распалась у нее связь времен. Тошой, Витей и Юрочкой она нас и вовсе не называла никогда. Оттого и выглядело жутковато — словно чужая тетка написала. Ну да ладно, с меня не убудет, да и с них тоже. А пятерки, одна со второй, значили, как это я понял — время. Ну, с пяти вечера до пяти утра.

Так и сели. Без естественного отвращения к смерти, поделовому. Три красивых сына: мент, солдат и бандит.

Я вообще-то только из Заира вернулся, ну, под занавес года девяносто седьмого. В Заире я был недолго, по меркам вращающейся вокруг солнца планеты — около оборота. Но в Заире я был долго — у меня за это время брат женился и мать умерла.

Подарочек мне, сука, под елку подложила. Ну, какая б ни была, бичевка, ты меня в этот мир привела.

Последний, думаю, долг отдам тебе.

Ну кто ж тогда знал, как оно все повернется.

Вот, сидим дальше, тягостно в ушах, как оно бывает при великом напряжении, когда вот-вот ебанет.

Тут вдруг Юрка опять глаза открывает, светлые, серовато-зеленые, как у кошки. Говорит:

— Про Заир, может, расскажешь?

— Расскажу потом, — сказал я. — Африканская война — не моя печаль, не моя беда, чего ж не рассказать?

— Не время, — сказал Антон. — Юра, у тебя мать умерла.

На разные лады — одно и то же. В этом Антон весь.

Ну, подумал я, Антоша-гандоша-ментоша, припомню я тебе еще часы этого тягостного молчания. С ним мне всегда сложно было. Вот Юрка — другое дело, он человек от природы мягкий, хоть и занятие у него жесткое. Мягкий, тактичный, с какой-то внутренней, невытравимой бандитским базаром интеллигентностью даже. Как нервный его папаша, писавший стихи и зарубивший двоих мужиков по-жестче топором.

Сидим, молчим, снова-здраво.

Ну, я достал из-под стола бутылку водки. Водка, кстати, сносная была, не то ебаное говно, которое мать обыкновенно глушила. «Росья», то есть «Rossia» — неудачная бельгийская попытка воспроизвести название нашей общей Родины. Вот не дешманская, и это странно. Я даже подумал: траванемся палью к хренам, но выпить хотелось мне больше, чем жить ту зимнюю ночь.

В общем, я встал, пошлепал по липкому полу к полкам, на которых рюмки стояли тесно друг к другу, как люди на корабле, который вот-вот потерпит крушение. Я помнил тех рюмок куда больше — не все дожили. Три их штуки и осталось. Ровнехонько.

Это что-то об одиночестве матери в конце времен говорит, подумал я. Рюмкам на столе не нашлось места, так что разместил их на полу, ливанул бельгийскую водку сверху, понтанувшись, тонкой струйкой.

Мы с Юркой выпили, не чокаясь, а Антон свою рюмку только в руках повертел.

— Ну, — говорю, — явенник-трезвенник, у тебя мать умерла.

Антон смотрел на меня некоторое время, потом поднес рюмку к губам и медленно, как простую воду, выпил водку.

Эта вот бесчувственность, иногда до полной бессознательности, меня в нем даже восхищала. Вспомнилось дело прошлое, когда жили мы еще с мамкой: из дома периодически пропадала вся еда — не знаю уж, куда она девалась. Мамка говорила, что черти сожрали, ну, или унесли. И вот, как-то остался вовсе один чеснок. В школе кормили нас славно, с этим проблем не было, но к ужину в животе уже урчало. И вот сидим мы над этими головками чеснока, денег нет, в гости поздно, животики от голода надорвали.

И Антон вдруг берет, аккуратно очищает чеснок и начинает дольку за долькой в рот отправлять, как виноград.

Ух я тогда ему завидовал.

Не знаю, одолела меня некая сентиментальность. Откуда бы? Опять глянул на мать, а там под лунным сиянием снова мне полоска из-под век почудилась.

Сидим мы вокруг нее, все, что на земле осталось. Три очень разных мужика, три очень разных судьбы.

Может я ее и не любил, думаю, но только живая она была душа, ну, как все люди. Пускай ей будет покой на том свете, и пусть Господь ей все простит, в чем она прегрешила.

Ну, в общем, широка душа моя родная.

Выпили втроем впервые за долгое время, и она лежит, совсем не как живая, и волосы, крашеные в рыжий, завтра уйдут во тьму. Тайна, унесенная в могилу. Маленькая. Тайночка.

Я спросил:

— А детских карточек ее не осталось?
— Детской фотки не было у нее ни одной, — сказал Юрка. — Я смотрел, когда на памятник выбирал.

— И какую выбрал?
— Где она улыбается.
— В ее стиле.
— Ага.

Юрка вдруг улыбнулся. Быстро, коротко, как он обычно делал — дернув одним уголком губ. Меня это порадовало, и я сразу подумал, что есть хочу. Спросил:

- Может, картошечки пожарим?
- Ты ебанулся? — спросил Антон.
- Ебанулся, — ответил я. — Ну умерла она, что теперь, не жить что ли?
- Терпи.
- Терпеть жена твоя будет, а я есть хочу.

Антон смотрел на меня, я не знал, злится он или нет, как не знал этого никогда. В конце концов он просто повторил:

— Терпи.

И все-таки лед тронулся, как это говорят. Говорить мы начали. Очень сильно я не люблю тишину. Мне нужна живая душа, чтоб поболтала со мной. На крайний случай — подойдет моя собственная.

А братья есть братья. Как бы сложно ни было — это родные души. Могила — ладно, все там будем. Но нам еще жить эту жизнь и всегда быть друг с другом связанными.

Ее больше нет, думал я, крашеные волосы продержатся дольше слабой плоти.

Но к хуям истлеет вообще все.

Ее нет, а я остался от нее, я и они, братья. Три протянутые в будущее нити. В будущее это, конечно, всегда в темноту. Поживем — увидим.

Но и прошлое — темнота. Как в хорошей песне правильно утверждают — есть только миг. Жизнь — это миг, пронзенный, как сосудами, кровными и всякими прочими связями. Живая ткань бытия.

В общем, на философию меня потянуло, и стало так легко-легко думать, хоть и вспоминался то и дело блеск ее крашеных рыжих волос и не до конца закрытых глаз.

— В квартире, конечно, разгром, — сказал Антон. — Мы будем убираться после того, как похороним ее.

У него такая речь, знаешь, неестественная. Слова, как кирпичи: раз кирпичик, два кирпичик, и сказуемое выше подлежащего ноги никогда не закинет. Как будто слова по рецепту выдаются, и Антон принимает их в соответствии с инструкцией.

Нет ощущения живости речи, речь формальная, как там, короче, об этом говорят головных дел мастера?

Что еще меня удивило: сидим вокруг ее гроба, как у Бога на ладони, на узкой кухоньке напротив Митинского кладбища. И вот ее уже нет, а мы все еще есть, ее щенки, то есть, сукины дети. Ну, не щенки — кобели уже.

Внешне не походим мы на нее вовсе — ни один из нас. Словно заемные дети у нее.

Когда ребенок не похож на мать это, в общем, беда небольшая — мать-то знает, откуда ее дети берутся.

Но про ни кровинки — загнул изрядно, вернее само оно загнулось. У матери глаза примечательные были — серые с зеленцой, с ряской как бы. Конечно, того самого жутковатого цвета ни у одного из нас не намешалось. Все вокруг да около. У меня глаза темно-серые с зеленью, у Антона — почти совсем серые, очень светлые, ну и Юрки — как раз больше с зеленцой. У меня — потемнее, у них — посветлее, ни у кого — как у мамки, но вроде бы близко.

В остальном и не скажешь, конечно, что мы братья. Ну, про себя я, это разумеется, знаю, что я просто пиздец какой красавец. Откуда я это знаю? Баба у меня была, художница. Сбежала от меня, в конечном итоге, но первые две недели, как оно со мной всегда случается, шло хорошо. Вот она мне говорила, мол ты, Витя, большой и здоровый зверь, она еще меня любила рисовать. Говорила, мол, нос у меня большой и прямой, и чувственный жадный рот, и глаза добрые, брови аккуратные и с гордым изгибом — хорошее, характерное лицо. Приятное, хоть и быдловатое. А я не обижался, что быдловатое. Мне же нравилось, что она меня рисует. Рисунки у меня хранились долго, а потом я их по пьяни в тазу на балконе пожег — не припомню уже, почему. Ну, опять же, мне в этой жизни долгое время важно было только в качалочку ходить, потом — известные события. Так что я, да, большой и красивый зверь в лучшей форме из возможных — в военной. И, как звери бывают, я двухцветный, темно-русый, а борода рыжеватая растет. Вот бывают коты двухцветные, и я вот тоже. Такой,

как и батя мой. Красивый он был мужик в свое время, я тебе скажу. Пока ему щачло не помяли. У него эта хроническая травматическая энцефалопатия. Ну, деменция, по сути, от многочисленных травм головы. Страшное дело, говорю. Я, глядя на него, и подумал, что если помирать, то молодым и сразу.

Вот Юрка мне противоположен во всем — щуплый, несчастный, в чем только душа держится, он выглядит как поэт: огромные глаза, наполненные печалью, тонкие, длинные губы, точеный профиль, вот это вот все. Был мечтою предпубертатных девочек в школьные времена. Нервное лицо, мальчишечье до сих пор, хотя ему вот двадцать восемь годиков уже на тот момент было, когда мы мамку провожали. Ну и кудри светлые, есенинские. В общем, самое то лицо для тех дел его. Мне это, конечно, не нравилось никогда — таким говном человек занимается. Он очень хорошо жил, но страшной ценой. И это все на нем дико сказывалось. В детстве робкий был, пугливый мальчик, а стал в итоге от паранойи своей жестокий мужик. Короче, вот так бывает, если доебешь нервного. И я вот только тогда заметил, он от геры еще тощее стал, лицо заострилось, какая-то мертвенная синеватость в губах появилась. Лицо, на котором проявляется смерть. Очень интересно. Видал и такие — но то ведь брата лица. Совсем другое дело.

Погоди, вот бы фотку найти, может, есть, может, нет. Гляди, как друг на друга мы непохожи, а это Антон, вот. Тут не видно, но волосы темные у него совсем, и бледный он очень, с правильными, как бы искусственными чертами лица. У него в детстве кличка была — Антоха Киборг. Но это на самом деле неправильно, потому что имелось в виду, что андроид, просто перепутали пиздюки. Такой вот автоматичный в нем элемент, и глаза очень холодные, как у многих ментов это бывает, а он — мент потомственный, тут уж и в теории прекраснодушного Ламарка поверить недолго. Вот он кажется красивым на фотке, а в жизни немногого иначе. От него-то как раз впечатление зловещее, у него обаяния нет, харизмы, или чего там, короче, того нетварного

го света, который делает людей прекрасными или хотя бы приятными. Но он хорошо нарисован, спроектирован: все пропорции соблюdenы, высокий он еще очень, выше меня, но я посильнее — Антон поджарый больше.

Вот ты бы сказал, что это сыновья одной матери? То-то же. И я бы никогда не сказал.

Сидим, в общем, такие разные люди, собравшиеся за одним столом, на котором гроб стоит. Я закурил, мне так жрать было охота, веришь? Мне смерть всегда аппетит прибавляла, а не отбивала. В этом плане организм подарочный. Не знаю уж, по какому принципу. Может, по принципу тому, что жизнь должна продолжаться. И жизнь должна продолжаться, так думаю, должна быть сильнее смерти. Тогда вот, перед ней, аж живот свело. А может, дело в том, что она на кухонном столе стояла? Мозг ассоциацию и прошел. Мы-то мясо едим, а мясо — это сиречь труп. Из песни слов не выкинешь.

В общем, сколько ни гадай, а живот свело от голода. Это реальность, данная нам в ощущениях.

Ну, я сказал:

— Надо б правда пожрать, а то всю ночь еще тут с ней сидеть.

— Мерзость какая, — сказал Юрка. — У меня кусок в горло не полезет.

Выставил я большой и указательный палец по типу пистолета и спросил:

— А ты, когда людей в лес вывозишь, сколько потом постишься?

Юрка только скривил тонкие губы, потом сказал:

— Я вообще мало ем.

— А ты перестань наркотой торговать, — сказал я. — И у тебя появится аппетит.

Юрка из нас самая нежная натура, но это мало в чем ему по жизни помешало.

Антон смотрел куда-то поверх Юркиной головы, словно бы спал с открытыми глазами, такое с ним бывало часто. Ну, я решил, пока первенец прикемарил мозгами, а после-